

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

Страх испытывать можно.

Бояться не надо!

Ну вот прошел еще один год. Опять доверились и опять опоздали.

- Как ваше мнение?
- А черт его знает.
- Что может быть?
- Все может быть.
- Что делать?

— Давай так: **СТРАХ ИСПЫТЫВАТЬ МОЖНО, А БОЯТЬСЯ НЕ НАДО.**

Хватит цепляться за эту жизнь. Как мы убедились — в ней ничего хорошего. Несколько раз вкусно, несколько раз хорошо. И это все!!!

Любое правительство либо нас сажает в помой, либо мы его сажаем туда. То есть оно нами руководит оттуда. И даже не руководит, а посылает и отнимает.

Мы, перенимая друг у друга рубли, ни на что не можем эти рубли обменять. Они уже совсем похожи на коричневых мокриц, заведшихся в голодных карманах...

Что еще там было в этой жизни? Я вас спрашиваю, что еще там было в этой жизни... Много разной водки, поэтому ничего вспомнить невозможно...

— Миша, как вы меня не вспоминаете, мы же в поезде три литра выпили...

— Поэтому и не вспоминаю, сынок.

Ибо как радость — мы пьем истово, до состояния ликования; как горе — пьем до состояния заглужения...

Да. Этого жалко. Водки с друзьями жалко. Водки на кухне, беседы рот в рот жалко. Любви на подоконнике жалко. Это только мы, это только у нас: лампочку в парадной хрясь — и любишь, как ротный старшина, как бездомный кот, горящий изнутри. Любви жалко, выпивки жалко. Возвращений, блудных следов своих путаных, с другом вдвоем мокрым утром туманным, нелетным, милицейским — жалко...

Снега жалко тихого в лесу, шапочки меховой и личика под ним румяного, глазастого, переходящего в ножки нежные, скрытые джинсовым панцирем...

Жалко нас. Да. За всю жизнь, за все годы, за все жизни моего деда, прадеда, отца, отчима, второго отчима и меня — ни одного толкового правительства. Это ж можно «с глузду з'яхать», это ж можно околеть.

Оно что, прислужено?

Оно что, там глубоко наверху решено, что мы должны мучиться?

Клянусь, из взаимоотношений с властью вспомнить нечего. Ну нечего! Отнять и послать. Послать и отнять. И из нас же! Из нас же!! На моей жизни, ну из того, что я помню. Ну, никогда не мог сказать, что эта компания откуда-то приехала. Ну, рожи прошлые мы же все помним! Ну, еще раз напряжемся: рожи, те, что у киоска с утра, те и там. Как эти не могут двух слов связать, так и те. Эти — глаза маленькие, лицо большое, идей нет, так и те — глаза маленькие, лицо большое, идей нет... Ни разу никто не сказал правильно по-русски. Я сам матом могу. Все мы матом можем. Так что же?

Сейчас некоторые наши из оголтелых кричат:

— Лучший генофонд уничтожен! Мы нашли виноватых! Давай за нами!

Куда ж за вами, если лучший генофонд уничтожен? А вы тогда кто? Куда деваться человеку не совсем здоровому, но тихому и порядочному? Погруженному в воспоминания, какмышь в помой.

Почему у нас старый от молодого мозгами не отличается — вспомнить нечего. Что-то типа мелочи в кармане: сырки в шоколаде за восемнадцать копеек, пол-литра за три шестьдесят две, фруктовое эскимо за восемнадцать копеек... И только древние старики помнят по-крупному: глубокое и постоянное изменение нашей жизни к худшему. То есть непрерывное улучшение, приводящее к ухудшению жизни! На основе строительства комму-

низма, развитого социализма и недоразвитой демократии с нашим лицом.

Пишите мемуары, сынки!

Мат, стояние в очередях, ожидание в приемных, долгие, бессмысленные разговоры с вождями и кипа собственных вонючих заявлений: «прошу не отказать», «прошу учесть», «прошу обратить внимание», «прошу выделить», «прошу похоронить»... И такая же дурная резолюция в левом углу: «Иван Васильевич, при возможности прошу изыскать».

А я мать его в гроб!

Давай вспоминать дальше. Чтоб оправдать неистовое стремление к этой жизни.

В 30 лет начинается поправление резко пошатнувшегося здоровья на фоне непрерывного уменьшения выделения на медицину.

— Вам надо на операцию. Собирайте вату, бинты, шприцы, капельницы, гималезы, гидалезы, банку крови. Ложитесь с этим усем. Мы вас разрежем и поищем внутри. Нам тоже интересно, чего вы так худеете.

Полная потеря интереса к своему здоровью со стороны больных и врачей сделала нас одинаково красивыми. Про рты я рассказывал, творожистый цвет кожи упоминал, запах изо рта описывал. Сутулая спина и торчащий живот дополняют внешний облик строителя коммунизма.

Что ж, я так думаю, цепляться за эту жизнь. Когда и как мы переживем сегодняшних начальников, чтоб увидеть светлую полоску, я уж не говорю — почувствовать... И так тонко складывается ситуация, что при гражданской войне мы опять будем бить друг друга: то есть беспайковый — беспайкового, низкооплачиваемый — бесквартирного, большой — большого. Ведь все — мы, и вы понимаете, что до них дело не дойдет и дачу их не найдешь. И опять дело кончится масонами, завмагами, армянами и мировой усталостью, которая и позволит всем вождям, от районных до столичных, снова занять свое место. Что они немедленно сделают с криком: «Дорогу пролетариату! Народ требует! Народ желает, чтобы мы немедленно сели ему на голову!» А мы с вами расчистим им путь своей кровью. К этому опять идет. Такие мы козлы, не умеющие жить ни при диктатуре, ни при демократии.

— Не готовы наши люди, — говорят вожди, окружая себя пакетами и пайками. — Не готовы! Жить еще не готовы. Помирать не хотят, а жить не готовы.

Вот я и предлагаю:

Не бояться помереть в этом веселом и яростном мире. Врагов не бояться. Кто бы ни пришел — уголовник или патриот, вождь или сексот. Кто первый ворвется в квартиру, он и перевернется. Ничего, свобода стоит того, а эта жизнь того не стоит. Мужество рождается от трусости. Первый пострадает, второй задумается.

И меньше сидеть дома, легче идти на контакты. Настало время контактов и политических знакомств. Контакт своего, порядочного, которому тоже вспомнить нечего. Искать легко — по лицам: у порядочных есть лица, а у непорядочных и там и там вместо лица задница.

И сходиться.

Все уже ясно. Когда появится правительство, удовлетворяющее нас, — нас не будет. Когда появятся законы, разрешающие нам, — нас не будет. А когда они войдут в действие — и детей наших не будет.

Поэтому первое: свалки не бояться — тогда ее не будет. Землю брать — тогда она будет. Свободу держать зубами. Начальников, живущих с нами параллельно, угробивших нашу юность, — посылать. И ничего не бояться. Хватит кому бы то ни было, когда бы то ни было распоряжаться нашей жизнью. Каждый сам знает, когда ее закончить.